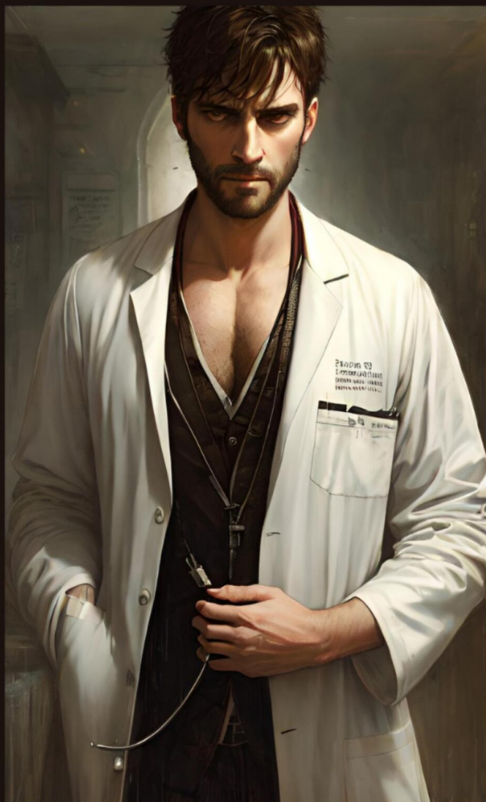

САЯНА ГЭББ

ЛУЧШИЙ СТРЕЛОК

Саяна Гэбб

Лучший стрелок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69682189

SelfPub; 2024

Аннотация

Огромная больница живет своей жизнью, и смерти в ней не кажутся странными никому, кроме студента шестого курса Ивана. Он вычислил закономерность между визитами уборщика и внезапными смертями тех, кого тот навещал. Еще более странным кажется то, что почти для всех остальных уборщик невидим, и лишь один из докторов подтверждает догадки Ивана о связи между уборщиком и мертвыми пациентами и предупреждает, что и сам Иван может оказаться жертвой этого непонятного существа. Возможно, Иван послушался бы его совета, но уборщик нацелился на маленькую пациентку Варю, и чтобы спасти девочку Ивану придется вступить в противостояние с силой, на которую не действуют человеческие законы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	41
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	58
Глава 13	66

Саяна Гэбб

Лучший стрелок

Пролог

Из аудиозаписи интервью врача городской больницы № 21
г. N

Журналист:

– А что вы можете сказать по поводу необъяснимых смертей в вашей практике? Были ли у вас такие случаи?

Долгая пауза.

Доктор:

– Да. Могу сказать одно – они необъяснимы.

Журналист:

– Но ведь это очень странно! На дворе 21 век! Существует же рациональное объяснение почти всему!

Снова пауза.

Доктор:

– Да. Почти всему. Но есть что-то... или кто-то..., что не желает быть объяснимым...

Глава 1

Иван бежал по полутемному коридору отделения, плотно прижимая стопку медицинских карт к груди. Ему приходилось лавировать среди бестолково толкающихся посетителей и пациентов, уклоняться от деловито снующих вдоль коридора медсестер и санитарок. Сталкиваться с людьми не рекомендовалось: для студента это было бы непозволительной оплошностью. Особенно, с санитарками – это могло надолго вывести из строя работу всего отделения. Пока ты студент медицинского университета – ты существо никчемное и просто путающееся под ногами. Задача твоя быть невидимым и ждать того момента, когда вдруг какой-то сотрудник решит тебя заметить и дать поручение, чаще всего неприятное.

Поэтому, когда Иван чуть не столкнулся на повороте с человеком, он мгновенно остолбенел, закрыл глаза и замер. Он вдруг ощутил, что страшно замерз, так, что даже кости, казалось, заиндевели. «Все, сейчас начнется!» – подумал он и зажмурился еще сильнее. Когда через пару секунд пламенно-матерная речь так и не прозвучала, он осторожно приоткрыл глаза. Чувство обморожения исчезло также внезапно, как и появилось. Процесс движения людей в коридоре был прежний. И тут глаза Ивана уловили явный диссонанс. Рассекая скопление людей, по отделению двигался невысокий мужчина в форме уборщика, толкая перед собой тачку

с ведром и шваброй. Иван рассмотрел сзади лысеющую макушку, сутулую спину и бурые грязные разводы на медицинской одежде. «Ого! И он так спокойно разгуливает! Куда это старшая смотрит? Она ж его, не жуя, проглотит!» – поразился Иван. В этот момент из своего кабинета вышла Алевтина Марковна – старшая медсестра, высокая и широкая во всех плоскостях женщина. Воцарившись ровно посередине коридора, она окинула отделение мрачным оценивающим взглядом. Пара молодых врачей ускорили шаг, метнувшись мимо с грацией испуганных ланей; медсестры замерли, чуть склонившись в молитвенном полупоклоне; сам Иван прижался спиной к стене, пытаясь с ней слиться. И лишь уборщик медленно, но уверенно продолжил шаркать по линолеуму старыми тапками, толкая перед собой дребезжащую тележку. Иван обомлел, когда увидел, как Алевтина Марковна делает шаг назад, пропуская уборщика. Ни взгляда, ни окрика, ни даже замечания. Она смотрела сквозь него. «Вот те раз! Она ординаторов на завтрак ест, не дай бог они не в свежих халатах появятся! А тут парень словно из выгребной ямы вылез, а старшая промолчала! Кто ты, воин? Внебрачный сын главного врача? Засланный казачок из Минздрава? Или это какие-то каверзы Роспотребнадзора?» – мучился в догадках Иван. Но его ментальные терзания были кратки: из ординаторской вышел один из докторов и, увидев Ивана, приглашающе махнул ему. Иван обреченно вздохнул, зная, что ничего хорошего ему это не сулит.

– Ээээ, дружище, – доктор слегка смутился от того, что не помнил имени студента, – зайдите, пожалуйста, в триста сороковую к Семеновой.

Иван сник. Семенова была известна всему отделению. Ей было восемьдесят два года, и характер она имела скверный.

Связываться с ней побаивался даже заведующий отделением.

– Эээээ... А зачем? – проявил бессмысленное любопытство Иван.

Врач по-дружески приобнял Ивана за плечи, потянул его в сторону нужной палаты и тихо прошептал на ухо:

– А затем. Семенова решила за клизму отомстить... Медсестра молодая и неопытная. Семенова – старая и опытная. Звезды сошлись... Но не так, как хотелось бы, – он хохотнул. – Короче, она судно из-под себя вытащила раньше, чем нужно. Теперь надо помочь с заменой белья и помывкой бабули.

Иван молча кивнул и отправился в триста сороковую. И заметил, как из нее вышел тот самый странный уборщик. Иван предположил, что мстительная старушка отметилась не только в кровати, но и на полу. Он бодро вошел в палату и замер – в носшибанул насыщенный запах экскрементов. Тут уже суетились две молоденькие медсестры, тщетно пытаясь вытянуть постельное белье из-под беззубо хихикающей Семеновой.

– Рановато вы уборщика отпустили, – Иван обогнул кро-

вать, – надо было ему после всего полы помыть.

– Какой уборщик? – одна из медсестер повернулась к нему, раздраженно сдувая челку, – тут еще конь не валялся! Какие полы? Помоги лучше ее поднять! Эта зараза вцепилась в простыни!

Иван с недоумением огляделся – полы действительно не выглядели помытыми. Он молча натянул резиновый фартук, подхватил невесомое старушечье тело на руки и, морщась от резкого запаха, понес ее в ванную.

– Мерзавец! – громко взвизгнула Семенова ему прямо в ухо. – Не смей меня лапать! Муж тебе руки оторвет, падла!

– Нет у вас мужа! А обзыватья некрасиво! – прошипел Иван, чувствуя, как ногти бабули цепко вонзились ему в шею. Он осторожно усадил старушку на специальную подставку, с трудом отодрав ее скрюченные пальцы. Семенова ловко вывернула вверх руку с поднятым средним пальцем и выдала сложносочиненное матерное предложение. Подбежавшая медсестра оттолкнула его в сторону со словами «дальше мы сами». Иван покачал головой и вышел из ванной.

– А уборщик этот, кто он? – спросил он у второй медсестры.

– Какой? Че ты пристал? Не знаю я никакого уборщика! – устало отмахнулась девушка.

– Так он из палаты вышел как раз передо мной!

Медсестра с подозрением посмотрела на Ивана.

– Не было тут никого, кроме меня и Таньки. Путаешь ты что-то, студент.

Иван вышел из палаты и окинул взглядом коридор. Среди суетящихся людей в самом конце отделения он заметил мелькнувшую сутулую спину, тут же исчезнувшую за поворотом.

Глава 2

Иван домой не пошел – остался на ночное дежурство. Старший дежурный врач Петр Сергеевич был наиболее лоялен к будущему коллеге: с удовольствием делился с ним знаниями, брал на операции и перевязки и давал работать руками, что в наше время дорогого стоило. Абсолютно интеллигентного вида: лет сорока пяти, с ранней залысиной, в очках и с аккуратной бородкой-клинышком он выглядел молодой копией профессора Преображенского, что приводило пациентов в состояние бессознательного восторга и полной доверительности. Коллеги подтрунивали над ним, говоря, что потрясающие результаты лечения – это, в первую очередь, внешний вид, действующий как мощнейший фактор убеждения. Петр Сергеевич беззлобно отшучивался, отвечая, что любой может выглядеть также, если считает, что это поможет в профессиональной деятельности. Но Петр Сергеевич действительно был одним из лучших хирургов города. Пациенты шли к нему валом, передавая информацию о нем «из рук в руки».

В два часа ночи дежурного хирурга вызвали в отделение терапии к пациенту с подозрением на аппендицит. Иван, конечно же, увязался следом. Петр Сергеевич быстро осмотрел пациента, с сожалением вспоминаящего ведро жареных куриных крылышек, принесенных днем тещей, сказал, что ни-

какого аппендицита у него нет, порекомендовал не доверять теще и не есть всякую гадость. Затем Петр Сергеевич уютно устроился на посту в потрепанном кресле и принялся неторопливо писать в истории, тихо мурлыча себе под нос.

Ночную тишину нарушали лишь шуршание бумаги и еле слышное бормотание доктора. Но внезапно чуткий слух Ивана уловил знакомые шаркающие звуки в темноте. Он оглянулся на Петра Сергеевича – тот невозмутимо продолжал писать. Тогда Иван осторожно выглянул из-за угла. Стулая спина медленно брела в темноту коридора, толкая впереди себя тележку со швабрами. Ивану стало любопытно: обычно уборщики ночью приходили только по вызову. Кто его вызвал? Вдруг спина замерла у одной из палат. Поставив мгновение неподвижно, уборщик медленно зашел внутрь. Иван не удержался и подкрался к палате. Номер пятьсот пятьдесят пять – в полумраке цифры были еле видны. Через стеклянную вставку двери он увидел, как мужской силуэт склонился над одной из кроватей и замер. В темноте рядом с силуэтом задрожал холодный сиреневый огонек, а пациент на кровати тревожно задвигался и замахал руками. Иван понял, что нужно войти в палату и выяснить, какого черта уборщик там делает, но с удивлением ощутил, что тело застыло и не слушается. Воздух вокруг сгустился и заледепел толстой холодной коркой, блокируя любые движения. Все, что Иван смог сделать – попятиться назад в сторону защитного источника света. Он уперся спиной в теплое тело,

и от этого страх взорвался кислотой внутри сосудов. Позади стоял Петр Сергеевич.

– Иван Андреевич, вы привидение увидели? – спокойно спросил доктор.

– Я... Я... Я задумался...

– Ясно. Давайте вернемся. Здесь game over, – Петр Сергеевич учил английский и вставлял английские слова повсюду.

Утром Петр Сергеевич сунул Ивану в руки сводку по отделению.

– Доложите на оперативке, Иван Андреевич, раз уж вы дежурили.

Иван молча просмотрел данные по больнице. Многопрофильность предполагала разнообразность отделений, большое количество пациентов и какое-то число умерших. Но в этот раз его взгляд зацепился за данные по терапии. Умерших там был всего один – Карпов Семен Алексеевич, шестидесяти четырех лет, ишемическая болезнь сердца, инфаркт в анамнезе, стентирование коронарных артерий. Причина смерти – тромбоз легочной артерии. Иван на мгновение задумался, а затем набрал в поисковике приложения фамилию Карпов. Он почти не удивился, увидев в выпавшем списке номер палаты покойного Карпова. Три пятерки светились на экране черным по белому, и никуда от этого факта было не деться.

Глава 3

День прошел в каком-то тумане. Иван постоянно вспоминал полумрак палаты и склонившегося над пациентом силуэт. Рабочая смена почти завершилась, почти все врачи ушли, дежурные доктора лениво и нехотя принимали на себя бразды правления. Иван заканчивал писать дневники в историях, сидя на сестринском посту. Знакомый шаркающий звук и скрип тележки вызвал в нем рефлекторную дрожь и замораживающий тело страх. Мимо проковылял все тот же уборщик в заляпанной форме, толкая перед собой тележку. Иван вытянул шею и выглянул ему вслед. Уборщик замер у палаты Семеновой, медленно вошел к ней и вышел минут через пять. Иван проследил его движение по коридору и замер в ожидании.

Внезапно где-то хлопнула дверь и визгливый голос медсестры принялся что-то возбужденно выкрикивать. Иван отложил истории и подошел к ординаторской.

– Я ей капельницу собиралась поставить, а она не дышит уже! А я еще думаю, чего это Семенова такая смиренная сегодня? Она ж неубиваемый живчик! Я думала, она бессмертна, как Дракула! – и голос всхлипнул.

Иван обессиленно откинулся спиной к стене. Он вспомнил, как сутулый вышел из палаты Семеновой вчера, снова зашел и вышел сегодня. Совпадение? Кто вообще этот убор-

щик, и почему медсестры его не замечают?

В ординаторской звучал монотонный успокаивающий мужской голос. Иван решительно вошел внутрь.

– А вы видели, как туда уборщик в грязной пижаме заходил? Он и вчера у Семеновой был. А до этого я его в терапии видел.

– Какой уборщик? – нахмурился дежурный хирург. – У нас только санитарки в отделениях. Никаких уборщиков тут нет.

– Такой сутулый и лысоватый, вся пижама в каких-то пятнах. С тележкой.

Медсестра и врач переглянулись.

– Вы же после дежурства? Идите уже домой! – сердито бросил врач и вышел в коридор.

– Нету у нас санитаров. Алевтина Марковна не в жисть не пустила бы сюда мужиков, – усмехнулась медсестра. – Не знаю, кого ты там видел.

Чем больше Иван думал об уборщике, тем больше ситуация казалась ему странной и пугающей. На мгновение у Ивана мелькнула мысль подойти к сутулому мужику и напрямую задать ему все вопросы, но даже от одной мысли ужас ледяной кашей наполнил мозг, заставив тело покрыться испариной. И от необъяснимости этого ужаса Ивану становилось еще страшнее. Он решил при случае поговорить с Петром Сергеевичем.

Следующий рабочий день началось с похода в педиат-

рию. Ивана отправили вытребовать на время детский эндоскоп для одного капризного пациента. Он зашел в отделение и улыбнулся: вокруг был детсад. Стены пестрели рисунками игрушечных героев, повсюду стояли маленькие цветные стульчики и невыносимо пахло манной кашей и компотом. Засмотревшись, он чуть не сбил круглого рыжего малыша, с торжественным видом несущего горшок в туалет.

– Эй! – возмутился мальчик. – Ты че, не видишь? Щас ссаками тебя оболую!

– Прости, – только и смог пробормотать Иван.

– Мишка, че врачу грубишь? – слабо прикрикнула на рыжего выглянувшая из палаты белокурая худенькая девочка лет десяти. – Простите его, – застенчиво обернулась она к Ивану, и он ужаснулся ее сиреневатой бледности и черным кругам под глазами.

– Да ничего страшного, – с трудом улыбнулся он, – я еще не совсем врач.

– Ой, вы студент, да? А трудно учиться в медицинском? А вы в морге были? А трупы вскрывали? А вы кем потом станете, педиатром, да?

Иван, ошеломленный потоком вопросов, растерянно молчал.

– Ээээ... Я это... Хирург я... Буду, – наконец выдавил он.

Ему почему-то стыдно было смотреть в глаза бледной девочке. Может потому, что он был здоров и силен. А она – явно тяжело больна.

– Меня Варя зовут! – сообщила она. – И я тоже врачом буду! Если вылечусь, – добавила она чуть тише.

Иван совсем растерялся. Девочка смотрела на него с таким восторгом и надеждой, что просто пойти дальше по своим делам он не мог.

– А меня Иван. Хочешь я тебе принесу учебник анатомии, и ты сможешь начать готовиться уже сейчас? – выпалил он.

Девочка всплеснула тонкими почти прозрачными ручками.

– Ура, ура! Супер! Хочу, хочу! Только, чтоб мама не видела, боюсь, заругается, – она заговорщицки прищурила глаза.

– Тогда завтра, ладно?

Девочка тихонько захлопала в ладоши и поспешно закивала головой. Иван неуверенно помахал ей и отправился дальше.

– А у этой девочки Вари что? – спросил он у сидевшей на посту медсестры.

– Которая из двести семнадцатой палаты-то? Почки больные. Поликистоз врожденный, живого места нет, – вздохнула медсестра. – Ей по хорошему пересадку надо делать, но пока что-то не получается. Вот и таскают ее родители к нам каждый месяц. Плоха она совсем. Уже почти не ходит. А девочка такая классная – добрая и веселая. И чего всегда таким достается? А вам чего надо-то? – посуровела она.

Иван объяснил, что его командировали за детским эндоскопом, и медсестра, поворчав, что «взрослые опять побии-

раются и портят ихнее оборудование», вынесла Ивану упакованное в стерильный контейнер эндоскоп.

– Слушай, а у вас мужик такой странный – сутулый и лысый случайно тут уборщиком не работает? – вырвалось у Ивана.

– Мужик? – удивилась медсестра, – откуда? У нас только нянечки баба Вера и тетя Катя. Лет пять уже моют. Мужиков отродясь тут не было.

Иван взял контейнер и отправился к выходу. Оглянувшись, он поймал себя на мысли, что с ужасом ищет глазами сутулую спину. «Только не здесь, – мысль прозвучала, как мольба, – только не здесь!»

Глава 4

Утром Иван положил в портфель учебник анатомии. В обеденный перерыв он решительно отправился к Варе, аккуратно завернув учебник в пакет. Подойдя к ее палате, он прикоснулся к металлической ручке двери и с ужасом отдернул руку, ощутив невыносимый холод. Казалось, даже легкого касания металла хватило, чтобы тело заостенело. Ужас сдавил горло, и он почти перестал дышать. В голове все помутилось, ноги сами понесли его прочь. Очнулся он, уже стоя у поста медсестры.

– Вы чего? – с подозрением спросила его медсестра. Сегодня на посту была другая, не вчерашняя, но Иван отметил это лишь краем сознания. Он резко повернулся и увидел, как из Вариной палаты выехала сначала знакомая поскрипывающая тележка, а затем показалась сутулая фигура. Тут навстречу уборщику высыпала толпа малышей из столовой, и все они, словно не замечая препятствия, понеслись прямо на него. Лишь в последний момент какая-то невидимая сила разделила поток на две части, заставляя огибать уборщика слева и справа. Ивану это напомнило фильмы ВВС, где показывали, как косяк трески мгновенно делиться на части перед акулой, тут же смыкаясь после. Но и это он осознал кратковременно. Он помчался к палате Вари и ворвался в нее, с грохотом распахнув дверь. Варя лежала на кровати,

глаза ее были затянуты тонкой пленкой век, губы приоткрыты, правая рука бессильно свисала вниз. Бледность ее стала восковой, от этого чернота под глазами выглядела еще более пугающей.

– Варя! – бросился к ней Иван, с ужасом понимая, что опоздал. – Варенька! – он осторожно взял узкую худенькую ладошку и сжал ее.

– Ммммм, – внезапно замычала девочка во сне и зашевелилась.

– Варя! – взволнованно вскрикнул Иван и засмеялся, хотя в глазах все расплылось от слез.

– Я уснула, – прошептала с трудом девочка.

– Да, уснула. А я тебя разбудил, – Иван прижал ладошку девочки к своей щеке, – и я книжку принес. Анатомию. Обещай, что не испугаешься картинок в ней!

– Я ждала тебя, – улыбка озарила бледное лицо, – но пришел тот старый дядька, и я уснула после него сразу.

– Какой дядька? – обомлел Иван от того, что Варя может видеть уборщика.

– Странный. Весь грязный и лысый. Нехороший он. И он сказал мне быть готовой.

– К чему? – похолодел Иван.

– Не знаю, – брови девочки слегка поползли вверх. – Он только сказал быть готовой.

Иван встал и забегал по палате. Тревога не давала сосредоточиться, в голове был полный хаос. Надо успокоиться,

твердил он себе, но нервное возбуждение не проходило.

Он еще некоторое время побыл с Варей. Она попросила помочь ей сесть и принялась рассматривать картинки в учебнике. От эмоций на щеках появилось слабое подобие румянца. Она теребила Ивана за рукав и сыпала вопросами, но Иван отвечал невпопад и, в конце концов, Варя замолчала.

– Мне надо идти. Надо поговорить кое с кем. Ты ничего не бойся, Варь! Я завтра приду к тебе! Поняла?

Варя молча кивнула. Мимолетный румянец исчез, и щеки девочки снова приобрели восковую бледность.

– Я буду ждать, – прошептала она и прижала учебник к груди.

Иван решительно подошел к столу, за которым сидел Петр Сергеевич и склонился к нему.

– Надо поговорить. Это очень важно!

– Да? – обернулся доктор. Он снял очки и устало потер глаза.

– Ни здесь, – прошептал Иван.

Доктор недоуменно поднял на него глаза.

– Что за конспирация, Иван Андреевич? What happened?

Иван склонился еще ниже.

– Я уверен, что по коридорам больницы разгуливает маньяк, который непонятным образом убивает людей в палатах. Это уборщик. Я неоднократно видел его в различных отделениях, – прошептала Иван на ухо Петру Сергеевичу, нервно оглядываясь на других врачей.

– Иван Андреевич, вы с ума сошли? – жесткий взгляд Петра Сергеевича уперся в переносицу Ивану, и тот вдруг подумал, что никогда такого взгляда раньше у доктора не замечал.

– Нет. Он был в палате некого Карпова в ту ночь, когда мы с вами ходили на консультацию в терапию, и тот потом умер. Он был, причем дважды, в палате у Семеновой. И она тоже умерла. И сегодня он заходил в палату к девочке в педиатрии и сказал ей готовиться. Петр Сергеевич, он точно ненормальный! И почему-то никто его из персонала не видит, хотя он в открытую шастает по отделениям! – Иван повысил голос, и к ним уже стали поворачиваться другие врачи.

– А пойдемте-ка, Иван Андреевич, покурим, – схватил его Петр Сергеевич за локоть и потащил из ординаторской.

– Так я ж не курю, – принялся было сопротивляться Иван, но затих, осознав, что Петр Сергеевич уводит его подальше ото всех. Он провел его по всему отделению и затащил в полутемную пустую перевязочную.

– А теперь слушай меня! – жестко начал он. – Все, что видел – забудь. И уборщика этого забудь. И, самое главное, не дай ему понять, что ты его видишь. Иначе тебе кранты. Понял?

– Ввввыы чччего это, Пппетр Сссергеевич? – от потрясения Иван начал заикаться. Где-то в глубине сознания промелькнуло, что Петр Сергеевич ни разу не позволял обращаться к нему на «ты» раньше. – Вы ззззззаччем так?

– Замолчи! Кивни, если понял!

Иван дернул головой, а голосовые связки выдали сами по себе:

– Он эту девочку убьет завтра, да? Он первый раз предупредить заходит, в потом приходит и убивает, да? Если вы все знаете, почему в полицию не сообщаете? Он Семенову убил, да? И еще, наверно, кучу людей...

– Да, он убивает, – медленно отозвался Петр Сергеевич и отвернулся к закрытому жалюзи окну, – только полиция нам не поможет.

– Ну, почему? – вскрикнул Иван, – да кто он такой? Что за монстр?

– Точно не знаю, – голос доктора звучал устало.

– Но вы его видите, да? Также как и я?

– Его видят только те, кто когда-то умирал. И воскрес. На медицинском языке это обозначается «клинической смертью».

– Но я..., – начал было Иван и осекся. Петр Сергеевич удовлетворенно кивнул.

– Когда?

– В детстве. Тонул. Мать рассказывала, что я синий был и долго не дышал. Повезло, что на пляже врач оказался. Он меня и спас. Но про смерть я как-то не думал...

– Если его видишь – точно умирал, не сомневайся.

– А вы откуда...

– Знаю? Такая же история, как и у тебя. В юности дал

остановку сердца и дыхания при анафилактическом шоке. Спасла соседка снизу – врач-реаниматолог. Старая закалка. У нее и адреналин, и преднизолон дома были, и трахеотомию делать умела, – Петр Сергеевич указал пальцем на грубый шрам на горле. – Стал врачом, пришел на практику в районную больницу, и началось. Только там другой был, постарше выглядел. Тоже все ходил по палатам. А потом люди умирали. Наставник у меня тогда был Иосиф Соломонович – потрясающий потомственный врач. Мощнейшая врачебная династия. Мне повезло, что и он его видел. Он мне и объяснил, что это такое.

– И что? – не выдержал Иван секундной паузы.

– Хрен его знает, как это назвать. Объяснить это с научной точки зрения не получится.

– И что дальше? – Иван приплясывал от нетерпения.

– Дальше – дерьмо, – мрачно сообщил Петр Сергеевич, – и лучше тебе не знать. Поверь мне на слово. Сказал же, забудь! И чтоб больше я ничего подобного не слышал! – врач медленно отправился к выходу.

– Он завтра за Варей придет! – крикнул вслед ему Иван. – Она совсем ребенок! Мечтает быть врачом! А он ее убьет... Это неправильно, Петр Сергеевич, вы же понимаете! Я спасу ее!

– Не смей! – доктор так громко и резко крикнул, что даже издали до Ивана долетели брызги слюны. – Не лезь, балбес! И ее не спасешь, и сам сдохнешь! Эта тварь не просто

так приходит! У нее четкий список есть, а начнешь ей планы рушить, она тебя найдет и убьет! Как Иосифа Соломоновича, – тихо добавил доктор.

Иван потрясенно присел на кушетку: ноги в коленях стали слабыми и произвольно согнулись. Ни разу в жизни он не видел, чтобы человеческое лицо могло так исказиться гневом и страхом, и это открытие вызвало в нем суеверный ужас. Петр Сергеевич с трудом успокоился, подошел и присел рядом.

– Я погубил своего наставника, Иван. Чуть сам не погиб. Такой же был: молодой и горячий. Лез на рожон. Хотел смерть обмануть. Только разве ж ее обманешь?

– А что случилось с Иосифом Соломоновичем? – тихо спросил Иван.

– Этот монстр его вычислил и убил, – доктор помолчал и принялся рассказывать.

Глава 5

Иосиф Соломонович всегда действовал аккуратно и осторожно. Он, например, никогда не спасал стариков. Как бы это не звучало ужасно, но смерть в старости вполне логичное явление. Он не спасал тех, кто находился на ИВЛ – это тоже было невозможно просто технически.

– А что нужно сделать, чтоб спасти? – перебил его Иван.

– Нужно, чтобы ко второму приходу монстра, а приходит он второй раз через 12 часов, человека в палате не было, – пояснил Петр Сергеевич. – Сам понимаешь, вытащить пациента из реанимации, где он подключен к аппарату жизнеобеспечения, практически невозможно. Тебя просто свои же коллеги не поймут.

Иван молча кивнул.

– Если монстр не находит пациента, тот выживает. Иосиф Соломонович организовывал все так, будто пациентов из палаты забирали в другое место по необходимости. Кого-то выписывали, кого-то переводили в другое отделение, кого-то отправляли на исследования в это время.

– А как они забирают жизни?

– Не знаю. Высасывают, может быть. Останавливают сердце. Я их не расспрашивал, – сердито ответил доктор. – Так вот, мой наставник действовал редко и осторожно. А я полез напролом. Иосиф Соломонович настойчиво меня предупре-

ждал ничего не предпринимать, но, к сожалению, деталей не объяснил, – Петр Сергеевич помолчал.

– В результате, я как-то вытащил молодого парня из палаты прямо перед носом у монстра. Увидев его в конце коридора, я нацепил маску до глаз, забежал в палату и вынес парня оттуда на руках. Чудовище видело, что его жертву уносят, и оно этого не простило.

Ивану внезапно стало холодно и неудобно в темной комнате. На мгновение желание слушать Петра Сергеевича исчезло. Захотелось вернуться домой, залезть на диван, укутаться в плед и дочитать тот детектив, который он мучает уже месяц. Он бросил тоскливый взгляд на окно, отмечая блеклый свет затухающего дня между полосками жалюзи.

– И оно стало вычислять нас, – голос Петра Сергеевича дрогнул, – и ты даже представить себе не можешь, в каком кошмаре мы существовали те десять дней. Если ты обратил внимание, что его хоть и не видят, но чувствуют другие люди. Рядом с ним образуется необъяснимая отталкивающая аура, и люди стараются избегать столкновения, даже не видя его. И еще это ощущение промораживающего до самого нутра холода. Он мог появиться в любом месте в больнице в любое мгновение. И главное было в этот момент не посмотреть ему в глаза: это бы выдало нас. Ему важен прямой визуальный контакт. Он проникает к тебе в мозг и считывает информацию о тебе. Я позже понял, какую именно информацию он выуживает из сознания. И чем больше ты его из-

бегаешь, тем настойчивее он становится.

И вот началась игра в кошки-мышки. Открываешь дверь ординаторской, а он стоит на пороге и ищет твоего взгляда. Идешь в приемный покой смотреть пациентов, а он уже ждет тебя там за любой ширмой. И заглядывает прямо в глаза... Стоишь на операции, а он торчит напротив и пялится. И нельзя поднимать голову: упрешься в него... Он вытворял такое со всеми, но видели это только я и Иосиф Соломонович.

Иосиф Соломонович был далеко не молод. И здоровье его было подорвано тяжелой и нервной работой в течении почти 30 лет. Сердце стало болеть все чаще. Однажды его вызвали в больничный морг. Оттуда он уже не вернулся. Я думаю, монстр подкараулил его там, а Иосиф Соломонович был не готов – в морге всегда холодно и почувствовать приближение этого существа он не смог. Наверное, сердце не выдержало, и он посмотрел монстру в глаза.

– Он его убил? – дрогнувшим голосом спросил Иван. – Как?

– Заставил повеситься.

– Повеситься? – вскрикнул Иван. – Как можно заставить человека повеситься против его желания? Возможно, это не монстр, а сам врач...

– Замолчи! – крикнул Петр Сергеевич и тут же выдохнул. – Прости, Иван, я не хотел. Но очень больно вспоминать...

Он помолчал и продолжил:

– Монстр убивает тебя так, как ты должен был умереть в первый раз. Но со стороны это выглядит самоубийством или несчастным случаем. Иосиф Соломонович первый раз умер во время своего рождения от четырехкратного обвития пуповиной вокруг шеи. Тогда его чудом реанимировали. А второй раз... Нашли его в кладовке рано утром. Он висел в петле, состоящей из четырех веревок. И он не сломал себе шею, как часто бывает при повешении, а медленно задохнулся. Очень медленно. Он пытался сопротивляться: ногти на пальцах были сорваны, кожа расцарапана до мышц. Каждая из strangуляционных борозд была менее глубокой, чем предыдущая, и это доказывало, что каждый следующий виток веревки появлялся последовательно. Смерть была долгой и мучительной... Я понял, даже если монстр успокоился, остаться я не смогу. Я уволился и уехал из того города. Вот такая история.

Иван потер лоб.

– Но сначала-то у Иосифа Соломоновича все получалось?

– Я так и знал, что это придет тебе в голову! – медленно ответил Петр Сергеевич. – Но даже не начинай. Иосиф Соломонович был важным человеком в той больнице – основным хирургом и очень уважаемым сотрудником. Он мог чудить и делать любые распоряжения, например, внезапно назначить МРТ в три часа ночи. В наших с тобой условиях это нереально. Даже мне не позволят такое самоуправство.

– Я позвоню родителям Вари и все объясню. Они заберут ее.

– Они ее не заберут, а на тебя напишут жалобу, и тебя выкинут к чертям собачьим. Останешься без диплома. И хорошо еще, если в психушку не закроют.

– А если...

– Заткнись, а? – почти с мольбою попросил Петр Сергеевич. – Я же вижу, что ты хороший парень и хирург из тебя должен неплохой получится! Только если жив будешь. Стань врачом и спасай жизни сколько влезет. Только официальным путем! А не соревнуйся с монстрами в сообразительности и скорости! Все, Иван, enough!

– Вы меня неправильно поняли, – начал было Иван.

– Я тебя предупредил, – обреченно выдохнул доктор, – я рассказал тебе все, что знал. В свое время мне этого не объяснили. Не дали выбора.

Иван попытался было возразить, но Петр Сергеевич встал и молча ушел.

Глава 6

Иван вышел из перевязочной, с тоской оглядев опустевшее отделение. Он посмотрел на часы. До того момента, как уборщик должен был прийти к Варе, оставалось около десяти часов – можно пока не волноваться. Иван спустился в кафетерий и заказал себе чашку кофе. Он сел у огромного окна, выходящего с торца больницы на дорогу и городской парк, и уставился на двигающиеся фигурки людей снаружи. Люди торопились, опаздывали, радовались, злились, любили, ненавидели... Люди жили. И никто из них не задумывался, что среди них прямо сейчас ходит монстр, выбирающий себе жертву. «Если бы я об этом не знал, – думал Иван, – как бы было все просто. А теперь это грызет меня... Так что мне делать – спасти Варю или оставить все, как есть?» Последнюю фразу он прошептал вслух.

– Вы же врач, друг мой, разве такие вопросы могут у вас возникать? – раздался рядом старческий голос.

Иван резко обернулся. За соседним столом сидел интеллигентного вида старичок с пышной седой шевелюрой. Черные близко посаженные глаза прятались за старомодным пенсне, на запавших щеках темнели пигментные пятна, поношенный костюм-тройка коричневого цвета был тщательно вычищен и выглажен.

– А что, если спасение одной человеческой жизни приве-

дет к гибели других жизней? – не удержался Иван.

– Друг мой, уверены ли вы, что имеете точную информацию на сей счет? – невозмутимо уточнил старичок.

– Не имею, – растерялся Иван.

– Тогда о чем тут можно думать? Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов? Раз вы выбрали такую сложную и неблагодарную профессию, значит, вы имели предпосылки, друг мой!

– Почему неблагодарную? – удивился Иван.

– Потому что за спасение каждой жизни платишь кусочком своей, друг мой! Такова цена! И никакие компенсации тут неуместны. И никто этого не понимает, включая самих врачей. Никто!

Иван зачарованно созерцал старика. Его странный вид, дребезжащий голос с необычными интонациями и неожиданные речи затягивали в поток чужого сознания, словно в водоворот.

– А вы врач? – спросил Иван.

– Был, друг мой, был... В далеком прошлом... И уж поверьте мне, друг мой, у меня сомнений «спасать-не спасать» никогда не было. Какой ты к черту тогда врач? – он произнес это, выделяя голосом слова через одно, дополняя каждое выделенное слово ударом узкой ладони по столу.

В этот момент за окном раздался визгливый звук тормозов, прозвучал резкий хлопок, и Иван отвернулся к окну. На дороге случилась авария, и водители обеих машин рьяно раз-

бирались между собой. Несколько секунд Иван наблюдал за развитием ситуации, а когда повернулся обратно к старичку, того уже не было. «Колоритный дедок, – подумал Иван, – умеет уговаривать. Хотя чего меня уговаривать? И так ясно, что Варю этому уборщику я не отдам!» Оставалось решить только одно – каким образом «похитить» Варю посередине ночи так, чтобы собственные коллеги не заметили этого.

Он вернулся в свое отделение и наткнулся в ординаторской на хмурого Петра Сергеевича. Тот, увидев Ивана, быстро покидал вещи в сумку и вышел из ординаторской, громко хлопнув дверью. Дежурный хирург обрадовался, увидев Ивана – тут же вручил стопку историй и отправил на вечерний обход. Часам к десяти Иван сделал обход, провел двадцать перевязок, проконсультировал трех старушек в терапии и все еще не придумал, как ему незаметно от всех спрятать Варю. Он устало рухнул на диван в ординаторской и со стоном вытянул ноги. В спину что-то жестко врезалось, и он, пошарив под собой, вытащил на свет массивную именную зажигалку Петра Сергеевича. Тот чрезвычайно гордился ею, и всегда носил ее с собой, хотя курил редко. «Блин, вот он расстроится! Хотя нет, норм! Завтра можно будет подкатить с зажигалкой, и он меньше психовать будет!» – Иван подбросил несколько раз зажигалку в руках, а затем автоматически крутанул колесико. Длинный оранжевый огонек слабо заколебался перед его лицом. Иван захлопнул зажигалку и снова крутанул колесико. Пламя вырывалось каждый раз

с нежным шипением, все больше нагревая зажигалку. И тут Ивана осенило.

– Черт!

Сидящий у телевизора дежурный врач нервно подпрыгнул.

– Че орешь?

– Простите, обжегся, – он показал зажигалку.

– Сергеича что-ли?

– Ага, забыл. Завтра отдам.

– Ну, ладно, – и врач потерял к Ивану интерес, снова уставившись в светящийся экран.

Глава 7

Иван вышел из ординаторской и отправился на пост. Там он вытащил из тумбочки стопку старых газет, которые иногда оставались в палатах после пациентов. Почему-то Алевтина Марковна относилась к печатным изданиям со священным трепетом, поэтому газеты не выбрасывались, а хранились «на всякий случай». Медсестра все еще была в процедурной, поэтому Иван прошмыгнул в сестринскую, стыдливо покопался в тумбочке и вытащил оттуда несколько прокладок и ватные диски. Но больше всего его порадовали две старые натуральные мочалки. Собрав все найденное в пакет, он прокрался мимо ординаторской и процедурной, захватив из перевязочной пузырек спирта. Через несколько минут он уже стоял у входа в педиатрию, выжидая, когда медсестры закончат работу. Он осторожно вошел внутрь, и ему тут же пришлось спрятаться в подсобке: медсестра подошла к дверям отделения и заперла их. Облегчение от того, что он успел, было секундным – тревога распирающим комом давила где-то под ложечкой.

Он нащупал металлическое ведро в темноте и посчитал это удачей и хорошим признаком: металлических ведер в век дешевого пластика в больницах уже почти не было. Мелко крошив туда газет, ваты и прокладок, он аккуратно все перемешал. Мочалки решил приберечь напоследок.

В отделении установилась тишина. Лишь вдалеке на посту иногда хрипло скворчала старая лампочка. Иван замер у двери кладовки, прислушиваясь к каждому шороху. Ему казалось, что он четко слышит звук секундных стрелок на своих кварцевых часах. С каждой минутой тишина становилась все невыносимее. Адреналин в сосудах кипел, требуя выплеска энергии. И когда, наконец, где-то далеко раздался знакомый шаркающий звук, Иван даже испытал облегчение.

Он приоткрыл дверь и в щелку разглядел в сумраке сутулую фигуру с тележкой. Прыснув в ведро с мусором спирт, Иван поджег приготовленный кусок газеты и швырнул его туда же. Спирт мгновенно отозвался и вспыхнул желтовато-сиреневым пламенем, которое принялось жадно пожирать куски проспиртованного мусора. От прокладок и ваты повалил вонючий дым, и Иван с запозданием осознал, что о своей защите он не подумал. Ему пришлось слегка открыть дверь кладовки, и клубящийся столб дыма потянулся к щели. Иван снова выглянул и увидел, что уборщик уже стоит у палаты Вари. Еще мгновение и он зайдет внутрь.

Иван быстро добавил в ведро старых мочалок, для верности плеснув еще спирта. Поначалу пламя весело полыхнуло, но тут же затихло, сменившись густым противным дымом. Иван осторожно выдвинул ведро в коридор, а сам бросился к пожарной сигнализации, разбил стеклянную крышку и нажал большую красную кнопку. Секунда последовавшей тишины чуть не разорвала Ивану сердце, но затем эфир трес-

нул от мощной тревожной сирены. «Бедные дети!» – виновато подумал Иван и бросился по палатам. Он мчался к Вариной палате, по дороге открывая двери других палат и крича: – Быстро все выходим! Быстро!

Перед Вариной палатой в него врезался маленький худенький мальчик в майке и трусах. Он рыдал и звал маму. Иван подхватил его на руки, уже ощущая вонзающийся в живую ткань знакомый замораживающий холод. Не останавливаясь, он ногой выбил дверь в палату Вари и дико заорал: – Чего ждем? Пожарная тревога!

Варя лежала на кровати. Глаза ее были открыты, взгляд устремлён в потолок. Склонившийся уборщик держал над ней поблескивающую сиреневым швабру, которая выглядела теперь как-то иначе. Легкий поток светящихся лучей струился изо рта Вари в сиреневую ловушку. Никто не обратил внимания на вбежавшего Ивана. Не раздумывая, Иван бросился к девочке. Оттолкнув уборщика, Иван забросил худенькое тельце на второе плечо и помчался прочь. «Получилось! Получилось! – ликовало в нем сознание. – Варька спасена!»

В коридоре уже началась суматоха. Дети, матери, медсестры носились в клубах дыма, и понять, что происходит было невозможно. Иван мчался по коридору, держа на плечах орущего мальчика и молчащую Варю. Он не мог видеть, как уборщик вышел из Вариной палаты и пристально уставился ему вслед.

Иван вбежал в процедурную и бережно уложил Варю на

кушетку. Она была жива, но без сознания. Он сунул ей под нос нашатырь, и девочка вяло дернула головой. Сердце ее билось ритмично, хоть и слабо.

– Иван, это ты, – прошептала она. Мальчик в майке перестал реветь и с интересом уставился на Варю, посасывая большой палец левой руки. Иван нашел в кармане конфету и сунул ее малышу. Тот сменил палец на конфету и окончательно успокоился.

– Он пришел. Тот дядька. Он хотел меня съесть, – всплывшее воспоминание вызвало в девочке ужас.

– Нет, нет! Тебе приснилось! – Иван постарался, чтобы голос не дрожал. – Не было там никакого дядьки. Ты спала, когда я прибежал. Но ты не должна никому рассказывать обо мне, – он приложил палец к губам, – потому что меня тут не было!

– Хорошо, – Варя слегка улыбнулась и закрыла глаза.

– Как звать? – обратился Иван к малышу.

– Кирилл, – отозвался тот тонким голосом.

– Значит так, Кирилл! Отвечаешь за Варю, понял?

– Понял!

– Это секретная миссия и меня тут не было, понял?

– Понял! – глазенки у пацана засветились.

– Я пошел, а вы ждите медсестру, понял?

– Так точно! – неожиданно отозвался Кирилл, и Иван хихикнул.

В суматохе Ивану удалось незаметно проскользнуть в свое

отделение. Он осторожно зашел в ординаторскую, лег на узкую кушетку у окна и мгновенно уснул.

Глава 8

Очнулся он от того, что кто-то тряс его за плечо и орал в ухо.

– Иван, подъем! Иван, очнись!

Иван со стоном повернулся на спину, ощущая, как затекли мышцы тела. Видимо, он всю ночь провел в той позе, в которой уснул. Вяло потянувшись, он увидел встревоженное лицо Петра Сергеевича над собой. Иван пошарил в кармане и вытащил зажигалку.

– Нашел вчера. Доброе утро! – спохватился он.

– Да, – медленно произнес Петр Сергеевич, – я уже в курсе, как виртуозно ты ею воспользовался.

– А что случилось? – Иван неумело попытался разыграть недоумение.

– Дурака не валяй, – глаза Петра Сергеевича потемнели, и от этого взгляд его стал жестким и злым.

– Я был должен, – тихо и упрямо сказал Иван.

– Ты сделал выбор, – также тихо ответил доктор. Он выхватил зажигалку и вышел из ординаторской.

Скандал по поводу происшествия в педиатрии был громким. Но в итоге, все сошлись во мнении, что это была проделка одного из подростков. Доказать, конечно, ничего не смогли, поэтому дело быстро сошло на нет и все забыли об этом через неделю. Варю перевели в другую больницу в от-

деление трансплантологии. Для нее нашелся донор, и операцию должны были провести в ближайшие дни. Ивана никто не заподозрил – ни Варя, ни Кирилл про него не рассказали. Уборщик исчез, во всяком случае, Иван не встречал его всю последующую неделю. Единственным огорчением для Ивана стало ухудшение отношений с Петром Сергеевичем. Вернее, и отношений никаких теперь между ними не было: доктор игнорировал Ивана. Но удивительное дело, стоило Ивану остаться где-то в помещении одному, как Петр Сергеевич заглядывал туда. Он бросал хмурый взгляд на студента и тут же исчезал. А однажды, когда Иван после тяжелой операции решил принять душ, ворвался в душевую, вытолкнул голого Ивана в раздевалку и принялся орать на него:

– Пошел вон отсюда, идиот! Чтобы я тебя в душевой не видел! Дома мойся!

Лицо его при этом было безумным, от чего интеллигентный Петр Сергеевич выглядел ужасно.

– Вы трус! – не выдержал Иван, – трясетесь за свою шкуру! Вы должны людей спасать! А вы делаете вид, что ничего не происходит! Какой вы к черту тогда врач! – Иван не заметил, что повторил не только слова того старичка, но и его интонации. От этого лицо Петра Сергеевича странным образом вытянулось и сделалось растерянным. Он даже уменьшился в размерах, словно сдувшийся воздушный шарик. А еще через три дня Иван понял, что уборщик не исчез, не забыл и не простил.

Глава 9

В тот день он пришел чуть раньше восьми утра. В раздевалке было тихо и сумрачно, лишь кто-то вдалеке бубнил по телефону. Иван быстро разделся, аккуратно складывая вещи в металлический шкафчик. Такой имелся у каждого сотрудника, и целые ряды унылых потертых хранителей вещей тянулись внутри большого подвального помещения. Иван приготовился надеть штаны, как внезапно голос прекратил бубнить и громко спросил:

– А че такой дубак в раздевалке? Начальство совсем оборзело? Мало того, что в ординаторских из окон сифонит, еще и тут отопление ни черта не работает!

Иван ясно ощущал, что в раздевалке не просто тепло – в ней жарко. Он замер и сразу услышал знакомое поскрипывание и шаркающие шаги. «Какого черта он эту телегу с собой таскает? – всплыла мысль. – Кого он обмануть пытается?» Шаркающий звук приблизился, и голую спину обдало морозом. Кожу стянуло, и Ивану показалось, что стоит шевельнуться, и она треснет между лопатками, обнажая позвоночник. Не поворачиваясь, он медленно натянул на себя штаны и рубашку, накинул халат и спокойно принялся застегивать пуговицы. Холод не прекращался. Иван двигался с трудом, будто разрывая оковы ледяного панциря. Сзади было тихо, но сомнений, что, повернувшись, он упрется взглядом

в уборщика, у Ивана не было.

– Гоооотоооовься, – раздалось змеиное шипение за плечом, и Иван набрал сообщение маме: «срочно позвони, нужно свалить». Через 10 секунд телефонная трель раскатилась по раздевалке так громко и неожиданно, что Иван непроизвольно вздрогнул. Демонстративно выругавшись, он подтянул трубку к уху и с ленцой произнес:

– Да, мам!

– Я должна тебя отвлечь? – спокойно спросил мамин голос.

– Да, – с благодарностью ответил Иван.

Дважды повторять было не нужно, и мамин голос в монотонном режиме полился из трубки, в подробностях рассказывая предыдущие двести серий ее любимого сериала. Иван прижал трубку ухом к плечу и, невпопад мыча в ответ, собрался с духом, опустил глаза и развернулся. Ему казалось, что он готов ко встрече с уборщиком. Но тот стоял так близко, что Иван чуть не уперся ему в грудь. Он рассмотрел грязные пятна на одежде, заскорузлые короткие пальцы, голую гладкую кожу груди в вырезе медицинской пижамы. Хорошо, что при этом Иван мычал в трубку и параллельно записывал вещи в портфель. Эта деланная занятость и спасла его. Изящно вильнув, он обогнул уборщика и отправился к выходу.

– Готовься! – снова прошипело сзади, но в этот момент в дверь зашло сразу несколько человек, наполнив шумом про-

странство.

– Пошел ты, – прошептал Иван.

С этого дня преследование стало постоянным. Иван наткался на уборщика внезапно в самых неподходящих местах: в туалете, в кафе, в перевязочной, на оперативке. В конце концов, любой день стал делиться на две части: тянущееся жуткое ожидание встречи с уборщиком и эйфорическая восторженность после нее. Иван похудел и осунулся, глаза запали, кожа обтянула острые скулы, губы сжались в узкую обкусанную линию. Он передвигался по стенкам, старательно пряча взгляд в стопке медицинских карт. Выглядел он столь жалким, что даже Алевтина Марковна перестала цепляться к нему. Петр Сергеевич теперь старательно избегал студента, но при встрече смотрел странным изучающим взглядом. Иван не знал, преследовал ли и его уборщик: после сцены в душевой ему не хотелось общаться с бывшим наставником.

И еще Иван перестал замечать визиты уборщика к пациентам. Люди в больнице не перестали умирать, но Иван ни разу за эти дни не видел, чтобы уборщик посещал кого-то. Он предположил, что монстр стал более изощренно скрывать свои действия.

К ежедневным встречам в коридорах отделений Иван уже даже привык. Он придумал оборонительную тактику – старательно пялился в историю или телефон и что-то весело мурлыкал себе под нос. Он проникал сквозь ледяное облако ненависти, исходящее от монстра, и это означало, что се-

годня он выиграл. И Ивану все больше казалось, что он выдержит, переиграет монстра, и тот отстанет от него через какое-то время. Что он сможет и дальше спасать людей, но делать теперь это будет хитрее и осторожнее. Но с каждым днем давление преследователя усиливалось, а тактика его менялась.

Новым испытанием стал лифт. На следующий день, когда рабочая смена почти закончилась, и уборщик не появился, Иван ощутил слабую надежду, что монстр смирился с потерей Вари, приняв пожар за чистую монету, и преследование прекратилось. Он без приключений добежал до лифта и, уткнувшись в хромированные двери, расслабился. Лифт еще только остановился, а Иван уже осознал, что пойман в ловушку: на него пахнуло чудовищным холодом. Словно в замедленном кино двери лифта разъехались, и из него вырвалась снежная буря. Она скрутила вокруг Ивана ледяной кокон, и в этот раз холод был космическим, вызывая жгучую резь в почти оледеневшей роговице. Иван попробовал опустить глаза вниз, и тысячи острых осколков ледяной корки, казалось, вонзились в мякоть глаза, вызывая произвольные слезы. В мыслях у Ивана почему-то промелькнул сказочный Кай с его единственным несчастным кусочком льда в глазах, но все мысли тут же улетучились, как только двери разъехались полностью. Посередине лифта стоял уборщик с тележкой. Густая волна смрада пузырем выдавилась наружу и почти ощутимо толкнула Ивана в лицо. Запах разло-

жения был настолько силен, что Ивану каждый глоток воздуха казался осязаемой плотной субстанцией. Держа взгляд на уровне пояса уборщика, Иван заметил, что на пижаме уборщика появились свежие багровые пятна. И даже старые дырявые шлепанцы были покрыты темными каплями. Три квадратных метра лифта с температурой замерзания крови, вонюю сотни разлагающихся трупов и окровавленным монстром, вождедевшим всего лишь одного прямого взгляда, были тем личным адом Ивана, куда он должен был шагнуть добровольно. И он сделал этот шаг...

Двери начали медленно сдвигаться, словно крышка гроба над покойником, отрезая Ивана от реального мира. Он встал спиной к уборщику, и спина его превратилась в оголенный нерв, чувствующий малейшее движение сзади. Иван слепо пялился в хромированную стену лифта, радуясь, что это не зеркало, но даже в потертых хромированных стенах отражался силуэт монстра. И с каждым мгновением Ивану казалось, что резкость отражения усиливается. Сначала он видел только тень. Затем тень сгустилась, и стали проступать явные черты головы, шеи, туловища, рук... Секунда, и на лице прорезались глаза: черные, алчущие, смертельные... Смертоносный взгляд жарко полыхнул огнем, и Иван быстро опустил глаза, но успел увидеть, как монстр поднес ко рту руку с чем-то красным, и сразу раздался тягучий чавкающий звук. От этого вонь усилилась, и Иван еле сдержал рвотные позывы. «Скорее, скорее, скорее!» – долбило в голове мо-

лотком.

С легким подёргиванием лифт встал. На крошечную частичку вселенского мгновения Ивану показалось, что двери никогда не откроются и он навсегда останется в этом гробу с уборщиком. От этой мысли ужас взорвал мозг на миллионы частиц. Иван уже почти бросился к дверям с поднятым кулаком, но тут они разъехались, и он вывалился наружу, судорожно вдыхая чистый воздух. В спину ему ударило что-то мягкое с липким влажным шлепком, но он не оглянулся и стремглав помчался в раздевалку. Уже влетев в нее и закрыв плотно дверь, он повернул голову и с ужасом увидел на плече надкусанный кусок печеночной ткани, кишашей червями. С воплем Иван смахнул его на пол, и он тут же исчез, словно растворился. Иван опустился на пол: дрожащие ноги перестали удерживать тело.

– Ты как? – голос Петра Сергеевича вывел его из ступора. Иван поднял голову. Доктор стоял сбоку и внимательно рассматривал его. Только сейчас Иван понял, что Петр Сергеевич выглядит ужасно. Наверно, точно также, как и он сам со стороны. На бледном худом лице тускло светились черные запавшие глаза, правое веко нервно подрагивало, в волосах появилось больше седины.

– Нормально, – глухо пробормотал он, – я в порядке.

– Уходи, Иван, и не возвращайся сюда, – также глухо сказал доктор, – ты сделал все, что мог.

– А как же вы?

Петр Сергеевич тоскливо усмехнулся и промолчал.

– Я его добыю, – упрямо наклонил голову Иван, – он скоро отвалит. Он устанет бегать за мной!

– Не устанет, поверь мне. Уходи, Иван, уходи, пока есть возможность! – в голосе доктора звучала мольба. Лицо его исказилось болью, он махнул рукой и исчез за поворотом металлических шкафчиков.

Ивану казалось, что ничего более кошмарного уборщик уже придумать не сможет. Но он ошибался.

Глава 10

День прошел на редкость спокойно. Иван даже на мгновение ощутил себя тем самым студентом, что пришел в отделение пару месяцев назад – абсолютно безмятежным. Он вспоминал моменты взлетов и падений в прошлом; моменты, когда казалось, что «все пропало»; моменты, которые сейчас выглядели будничными нюансами обычной студенческой жизни. И он готов был обменять каждый свой день настоящего хотя бы на один час из той прошлой, теперь уже нереальной жизни.

Но сегодня ему явно повезло: он быстро прошелся по палатам, провел перевязки у своих пациентов, написал все дневники и уже мог считать себя свободным. И за весь день никакого уборщика. Ни единого напоминания. Даже отдаленного шарканья и раздражающего скрипа тележки. Юность имеет несомненное преимущество трактовать любые события с положительной стороны. Вот и Иван в очередной раз воспрянул духом, полагая, что переиграл монстра. Он даже охотно отреагировал на робкое кокетство медсестры Тани, впервые за все время обратив на нее внимание. Пухленькая, кудрявая Татьяна давно засматривалась на высокого интересного студента, а сегодня он вел себя с ней необычно. От этого она воодушевилась, бросилась в сестринскую, поправила чепчик на непокорных завитках и слег-

ка подкрасила губы. Не придумав ничего лучше, она схватила листы назначения и вернулась на пост, где Иван перебирал истории перед уходом.

– Иван Андреевич, а вот тут непонятно. Здесь антибиотика полграмма или грамм? – капризно протянула она. Иван отвлекся от своих бумажек и уставился в назначения.

– Тут грамм, Татьяна, – улыбнулся он.

– Ага... А Крылову клизму продолжать? – томно спросила она.

– Крылову – продолжай. Он еще пару дней без клизмы прожить не сможет, – усмехнулся Иван.

– А вы уже уходите? Вы что-то давно на дежурство не оставались, – Татьяна поставила локоть на стойку рецепции и подперла ладонью щеку. Голубые глаза невинно уставились прямо в лицо Ивану. Светлые кудряшки выбились из – под шапочки, делая пухлое лицо еще более круглым, но это несколько не портило ее. Иван подумал, что надо пригласить ее на чашку кофе и уже открыл было рот, как из-за угла донесся отвратительный знакомый скрип тележки и шарканье старых тапок. Воздух вокруг заледенел, стягивая мышцы и вызывая желание бежать.

– Ой, че так холодно стало? – удивленно оглянулась медсестра, – окно открыли что ли? Сквозняк как будто. Девочки, кто там окно открыл? – на все отделение крикнула она. Иван опустил глаза и молча принялся перебирать истории. Мерзкое шарканье приблизилось и замерло где-то рядом.

Чуть увеличив угол обзора, Иван понял, что уборщик стоит позади медсестры. Он побоялся посмотреть ей в лицо, но, судя по тому, что она внезапно замолчала, и она ощутила нечто зловещее рядом.

– У вас все с вопросами? – Иван постарался, чтобы голос не дрожал. – Тогда можете идти.

Но Татьяна не шевельнулась, и Иван бросил мельком на нее взгляд. Бледное вытянувшееся лицо девушки напугало его. «Она не должна ничего видеть!» – шептал голос в мозгу.

– Вы можете идти! – уже громче повторил он.

– Не могу, – услышал он шепот.

Иван осторожно поднял глаза и увидел, что грязная, с черными ногтями рука уборщика впиалась в обнаженное плечо девушки. Татьяна явно не понимала, что происходит, лишь в выкаченных глазах отражался ужас. Иван потянулся было к ней, но тут, как в замедленном видео, рука Татьяны стала неестественно выгибаться в сторону, поднимаясь все выше. Иван видел черную дыру вместо рта на лице Татьяны. И такие же черные, провалившиеся куда-то внутрь, обезумевшие глаза. Девушка кричала, но крика он не слышал, будто его накрыло плотным коконом. Рука Татьяны выгнулась до предела, и Иван увидел натянувшийся холмик кожи над неестественно изогнутой плечевой костью. Затем холмик взорвался сломанным костным острием, и плотный веер брызг крови из разорванных сосудов оросил Ивана и пространство вокруг. Лицо девушки мгновенно обесцветилось до молочной

белизны, глаза закатились, тело бесформенным мешком рухнуло вниз.

Иван застыл на месте, уперев взгляд в грудь уборщику. Он вдруг услышал жуткие хриплые всхлипы, и только через мгновение Иван понял – уборщик смеется! И этот всхлипывающий отвратительный смех пронзил Ивана жутким озарением его проигрыша. Уборщик развернулся и побрел дальше, а свежие капли крови, стекающие с грязных пальцев, ломанным зигзагом сопровождали его путь.

Татьяна лежала в луже крови. Тут же набежали врачи, медсестры, все стали кричать, бегать, что-то делать. Кто-то принялся трясти Ивана и требовать пояснения, но он впал в ступор и дрожал в чужих руках вялой сломанной игрушкой с остекленевшими глазами. Тогда от него отстали, и он на нетвердых ногах спустился на первый этаж и вышел с черного входа на задний двор туда, где обычно курили врачи. Там, упершись руками в старую кирпичную стену, он согнулся и его вырвало.

– Больше не приходи, – словно из-под воды услышал он, – это конец.

Иван с трудом повернул голову. Рядом стоял Петр Сергеевич, и выглядел он как призрак.

– Я не думал, что он так может..., – во рту было сухо и говорить было тяжело.

– Сколько ты уже держишься? – спросил доктор.

– Двадцать четыре дня, – автоматически выдал Иван еже-

дневные подсчеты. Петр Сергеевич нецензурно и витиевато выругался.

– Это нереально, Иван! Такое невозможно! Никто больше двух недель не выдерживает!

– Никто? – Иван пытался ухватить какую-то мысль, но она упорно ускользала.

– Больше никогда не приходи сюда, слышишь? Я подпишу тебе все бумажки и отправлю в деканат. Но ты сюда ни ногой!

Иван вяло кивнул.

– Он знал, что это я, – прошептал он, – он знал. И он издевался надо мной. Почему не убил?

– Ему нужно твое поражение. Твой взгляд ему в глаза. Этот контакт дает ему власть над человеком, – неохотно ответил Петр Сергеевич, – а ты сопротивлялся. Вероятно, это разозлило его. Они этого не любят...

– Кто они?

– Иди домой, Иван. Для тебя все закончилось. А за Татьяной я присмотрю. Иди домой.

– А кто присмотрит за остальными? – хотелось крикнуть Ивану, но сил не было. Он сполз на землю и завалился набок.

Глава 11

Три дня Иван провел в состоянии летаргии. Он закрылся в комнате общежития и почти не выходил оттуда, старательно заставляя себя спать. Каждый раз, когда сознание пыталось вернуть его в реальность, он молча тянул руку к прикроватному столику, закидывал в рот две-три таблетки снотворного и снова проваливался в забытие. Ему снилось, что реальность – это сон. Что никаких уборщиц в больнице никогда не было. Что Варя выздоровела, ходит в школу, а дома прячется от мамы в комнате с учебником анатомии. Что Татьяна бежит по коридору за Семеновой, возмущенно всплескивая пухлыми белыми руками, а Семенова хохочет беззубым ртом и ловко уворачивается. И во сне наступало облегчение. Хотелось смеяться и прыгать от мысли, что все кошмары ему просто приснились. Ведь такого в его жизни случится, конечно, не могло.

А потом какая-то часть мозга принималась бунтовать, стряхивала оцепенение, и он выныривал из глубоких дремот наружу, лишаясь защитной пелены. И ледяной мрак топил его в мазутной депрессии. Тогда Иван снова тянулся за таблетками, и этот порочный круг разорвать было невозможно. Вероятно, он так бы и умер во сне от истощения. Но в одно из редких просветлений его взгляд случайно упал на экран телефона. Белыми буквами на темном экране светилось на-

чало сообщения: «Здравствуйте, я мама Вари!». Иван отложил пачку таблеток и взял телефон. Он долго смотрел на светящийся экран, затем скользнул пальцем по телефону и прочитал весь текст:

«Здравствуйте, я мама Вари! Нашла ваш номер через ваших коллег. Варя в детской реанимации – умирает. Она очень много о вас рассказывала. Сказала, что вы ее спасли ночью от чего-то плохого. Варя очень хотела увидеть вас и вернуть вам ваш учебник. Навестите ее, если сможете. Пожалуйста. Для нее это важно».

Иван посидел еще три минуты. Затем решительно принялся одеваться.

Он долго стоял перед входом в больницу. Мысль о встрече с уборщиком его больше не пугала. Единственное, чего он хотел – не подставить кого-то другого под удар. Как Татьяну. И он подсчитывал, как быстро он сможет добраться до детской реанимации, увидеть Варю и исчезнуть до того момента, когда монстр его вычислит. Пройдя через главный вход, Иван сбросил куртку, накинул прихваченный халат, натянул шапочку и маску. Он свернул в коридор и не увидел, как за его спиной показался Петр Сергеевич.

Дождавшись пока кто-то наберет код и войдет в отделение детской реанимации, Иван проскочил следом. Коридор был пуст, но даже пустота была напитана напряжением и сосредоточенностью. Иван прошел вдоль кабинетов, достигнув огромного светлого помещения, где пациенты лежали, раз-

деленные ширмами. На входе его поймала высокая суровая медсестра, пронзительным голосом потребовавшая отчета: кто он и что тут делает. Иван посмотрел на нее ввалившись потемневшими глазами и прошептал: «Варя. Варя. Я к Варю». Видимо, было в его лице что-то такое, что заставило медсестру умолкнуть. Она странно на него взглянула, проворботала что-то о пяти минутах и ткнула пальцем в сторону одной из ширм.

Варя лежала на большой кровати, укрытая одеялом по самый подбородок, отчего она казалась совсем крохотной. Лицо ее почти не отличалось цветом от белой простыни. Рассыпавшиеся ореолом по подушке светлые волосы, строгие иссушенные черты лица, мраморный оттенок кожи делали ее похожей на сказочного эльфа. Спутанные провода и трубки тянулись к ее телу, и по ним струилась жизнь Вари.

– Ей сделали пересадку, но почка не прижилась, – услышал Иван шепот позади. Он обернулся. Совсем юная женщина стояла и смотрела на него. От постоянной боли и слез черты лица ее отекали и расплылись, но в них отчетливо узнавалась Варя.

– Я ее мама – Людмила. Спасибо, что пришли. Варя обрадуется, – голос женщины звучал сипло и тихо, словно она много часов кричала и сорвала его. Иван молча взял ее руку и крепко сжал. Потом также молча встал на колени рядом с кроватью Вари, и его голова оказалась на одном уровне с ее.

– Ты должна выжить, Варька, – шепнул он ей в ухо, – я

же прогнал того уroda. Теперь некому забрать твою жизнь. Ты обязана жить! – он протянул руку и погладил девочку по голове. Тонкие веки задрожали и слегка приоткрылись.

– Ваня? – выдохнула Варя, не поворачивая головы.

– Верно, Ваня! – обрадовался Иван. – Ты очнулась!

– Ваня, забери учебник, – с трудом выговорила Варя.

– Даже не думай! Ты еще его считаешь! Мы вместе считаем!

– Ты смешной, – легкая улыбка коснулась лица ребенка, осветив его внутренним светом, – жаль, что такой взрослый.

– Ты это, Варь, в старики меня не записывай! – деланно возмутился Иван. – Я еще хоть куда! Я еще ого-го!

Варя счастливо улыбнулась и прошептала:

– Я знаю. Ты хороший.

Иван почувствовал, как судорога перехватила горло. Он сглотнул ком и незаметно вытер мокрые глаза.

– Он снова пришел...

Иван поднял голову и увидел искажившиеся черты лица Вари. Глаза ее широко распахнулись и выкатились, губы изломались в немом крике. Резко обернувшись, Иван увидел уборщика. Тот смотрел прямо на Варю и ухмылялся.

– Тварь! – прошипел Иван сквозь сжатые зубы. – Чтоб ты сдох! Не смей трогать ее! Иначе я разорву тебя на куски голыми руками! – бешенство хлестало из Ивана тугой волной. Он встал, накрыл собой Варю посмотрел прямо в глаза монстру и прохрипел:

– Ты ее не получишь, тварь!

От встречного взгляда Ивана ударило ощутимой упругой волной. Воздух вокруг сгустился, заволновался и рассыпался на миллиарды фотонов. Невидимое острое жало пронзило переносицу, обожгло где-то внутри и взорвало мозг. Свет потух. Звуки исчезли. Мир вокруг перестал существовать.

Глава 12

Солнце палит с такой силой, что цвета вокруг кажутся выгоревшими. Ваня ощущает, как стягивает кожу на щеках и плечах, и с досадой думает, что ночью все будет болеть, и придется просить маму намазать его сметаной. А мама будет мазать и ворчать, что он опять весь день купался. Он сбрасывает шорты и с разбегу кидается в воду. Забежать надо быстро, загребая ногами, чтобы поднять как можно больше брызг, и упасть в воду с головой, наслаждаясь мгновенным холодом. Он изворачивается под водой, делая кульбит и отталкиваясь ногами от дна. Струя воды, возникающая от вращения, так приятно обволакивает тело тугостью, что хочется крутиться и крутиться. Ване смешно – он с гоготом выдыхает в воду воздух, и он крупными пузырями улетает к поверхности.

Внезапно струя воды толкает его прочь и утягивает в темную глубину. Ваня пытается развернуться к свету, бьет ногами, тянется руками вверх. Но течение сильнее его – оно утаскивает мальчика вглубь, сдавливая грудь и барабанные перепонки. Пустые легкие скручиваются болезненными клубками, требуя немедленного притока воздуха. Иван делает последний рывок. Ужас придает ему сил, и он почти вырывается из плена подводного течения, почти достигает светлого уровня, и все в нем вскипает от предвкушения вдоха...

Но внезапно что-то черное и жуткое, нависающее над водой, отталкивает Ваню от поверхности. Коварное течение пеленает его упругой струей и снова утаскивает в сумрак глубины. Силы оставляют мальчика, в голове у него темнеет. Губы приоткрываются, но вместо воздуха в легкие заливается мутная речная вода. Безумие на мгновение накрывает сознание, тут же отступая в никуда. Сердце еще делает несколько сокращений, но сдается и останавливается.

Иван открыл глаза. Вернее, свет просто появился вокруг него. Ему показалось, что он лежит, и он решил встать. Это получилось легко и просто, словно кто-то сзади подтолкнул его. И вообще, теперь все было легко. Свет мерцал туманной пеленой, но, когда Иван двинулся, пелена исчезла. Он обернулся – позади стояла плотная стена воды, с напором вытекающая из душа. Он посмотрел вниз и увидел чье-то тело, лежащее ничком в наполненном поддоне. Воды было много, она почти не уходила, и лицо человека уже полностью погрузилось в воду. «Он же захлебнется», – встревожился Иван и попробовал наклониться. Но тут же необъяснимым образом оказался где-то в метре от душа. «Что-то не так. Со мной что-то не так», – отчетливо образовалась мысль. Он осмотрелся и увидел Петра Сергеевича.

Тот стоял у стены, сцепив руки на груди. Взгляд у него был уставший и спокойный. Он вообще выглядел так, словно только что удачно закончил сложную операцию. Черты лица разгладились, и облик его перестал быть таким страш-

ным и измученным, как в последние дни. Чуть поодаль в неосвещенной части душевой стоял еще человек, и Иван с удивлением опознал в нем того самого старичка из кафе. Он приветливо улыбался и смотрел прямо в глаза Ивану. Рядом со старичком мерцало странное световое кольцо, внутри которого струилась и переливалась глянцевая черная материя. Старичок призывно помахал Ивану рукой, и тот неожиданно для себя приблизился к нему.

– Здравствуйте, друг мой! Как же я рад вас видеть! Подзадержались вы что-то!

Иван беспомощно посмотрел на Петра Сергеевича. Тот устало усмехнулся и пожал плечами, дескать, вопросы не к нему.

– Что происходит? – осмелел Иван и повернулся к старичку.

– Вы, друг мой, благополучно избавили мир от очередного паразита. Спасли огромное количество душ. Сделали этот мир лучше. Так что, вас можно поздравить с удачно законченной миссией! – старик энергично похлопал.

Иван с недоумением спросил:

– Какого паразита? Какая, к черту, миссия? Петр Сергеевич, что за ерунда происходит? Где я? Где Варя? Я к ней приходил! Я вообще должен быть в детской реанимации сейчас! Как я здесь оказался? – Ивану хотелось разозлиться, но почему-то у него не получалось.

– Иван, послушай его, – Петр Сергеевич указал подбород-

ком на старичка, – он все объяснит лучше меня.

– Вот он, паразит. Загляните, друг мой, – торжественно махнул рукой в сторону мерцания старичок. Иван приблизился и всмотрелся. В золотом кольце среди черной субстанции вдруг отчетливо мелькнуло испуганное лицо уборщика. В памяти Ивана всплыло последнее, что он видел. Черные торжествующие глаза монстра на ухмыляющемся лице, и от этого воспоминания Иван задрожал и вскрикнул:

– Он! Это он!

– Тише, тише, – успокоил его старичок, – он в ловушке. И ему не выбраться. И это, друг мой, благодаря вам!

– Но как?

– Давайте по порядку. Задавайте вопросы, я буду отвечать. Вы заслужили, – старичок благосклонно улыбнулся.

– Кто это? – Иван ткнул пальцем в монстра.

– Паразит. Пожиратель душ. Такие монстры формируются из самых негативных человеческих эмоций: боли, ненависти, страданий, зависти, безнадежности. А этого добра в больницах хватает. Питаются человеческими душами, причем выбирают самые лучшие. Невидимы для всех, кроме особенных людей.

– Тех, кто пережил клиническую смерть, – кивнул Иван.

– Да.

– А кто вы?

– Меня по-разному называют. Бог. Смерть. Сатана, – старичок пожал плечами. – Мне без разницы. Задача моя про-

стая: в каждое рожденное тело надо поместить душу, из каждого умершего тела надо душу забрать. Сколько тел умерло, столько душ должно вернуться в хранилище. У меня, можно сказать, бухгалтерия! Дебет с кредитом должны сходиться, – хохотнул старичок, – а паразиты мне весь учет рушат. Воруют души и пожирают их. Разрушают замкнутый цикл.

Старичок горестно вздохнул и покачал головой.

– Тел рождается больше, чем существует душ. И многие тела остаются пустыми.

– И как живут люди ... пустыми? – уточнил Иван.

– А как человек без души живет? Как нелюдь: ни совести, ни любви, ни сострадания. И таких все больше становится. Так что, поймав паразита, вы, друг мой, сотни людей спасли от скотства.

– А почему он не убил меня? И как вы его поймали? И почему здесь Петр Сергеевич? – снова заметался Иван мыслями.

– Почему не убил? – удивился старичок. – Убил. Вон же вы лежите, в поддоне! Вы упали, ударились головой. Потеряли сознание и захлебнулись.

Иван вспыхнул и метнулся к телу. Действительно, на человеке была знакомая серо-голубая пижама, и вон карман порван – он пару дней назад его дернул, и на шее сбоку большая родинка, как у него. Он попытался посмотреть на свои руки, но увидел только золотистый свет.

– Но как? – жалобно протянул он, оглядываясь. – Как так?

Петр Сергеевич?

– Все хорошо, Иван, – усмехнулся доктор, – ты временно умер. И общаемся мы с твоей душой. Этот, – он кивнул на старичка, – вернет тебя, уж поверь. Поговорит и вернет. Это в его интересах.

Иван подумал, что должен испугаться. Но страха не было.

– Я могу поймать паразита только в момент, когда он выходит из своего тела и убивает таких, как вы, – старичок внимательно смотрел на Ивана. – Оставалось только дожидаться, когда это случится. А Петр Сергеевич, так сказать, мой ассистент. Он следит, чтобы поймать этот момент и дать мне знать.

Иван повернулся к Петру Сергеевичу. Тот недовольно поморщился.

– Я знаю, как это выглядит. Когда погиб Иосиф Соломонович, этот, – он снова махнул в сторону старика, – пришел ко мне и предложил работать с ним. Я помогаю ему искать и убивать паразитов, контролирую таких, как ты. Помогаю, объясняю, делаю все, чтобы вы выживали.

– Но вы же их тоже видите, – прошептал Иван.

– Это было в юности. Сейчас уже не вижу. Это проходит. Чем дальше ты от момента своей смерти, тем меньше вероятность их видеть. И меньше желание бороться, а это тоже имеет значение. Иосиф Соломонович вот видел этих монстров всю жизнь...

– Вы бы могли сказать! – крикнул Иван.

– И я сказал, – кивнул доктор, – все, что мог. Я дал тебе выбор. Ты знал, чем это закончится. Я пытался тебе отговорить.

– Да, в этот раз Петр Сергеевич был столь решительно настроен защитить вас, что мне пришлось лично встретиться с вами, друг мой, и слегка подтолкнуть, так сказать, – вклинился старичок.

Иван замер, пытаясь все осознать. Хотя принять такое казалось невозможным – проще было поверить, что это нелепый розыгрыш. Но невесомое тело, светящееся в полумраке, не оставляло надежды – он действительно умер. И новая мысль всколыхнула его.

– Варя! Как же Варя? Я спас ее! Почему он хотел забрать ее снова? Разве такое возможно?

– Он спровоцировал вас, друг мой. У него уже не осталось средств: вы долго водили его за нос. А когда паразиты охотятся на таких, как вы, они не питаются душами. Вы за неполный месяц измучили его. И это тоже удивительно! Такая мощная и редкая способность не поддаваться давлению! Вы просто уникам, друг мой! – в голосе старичка звучал искренний восторг. – Но вот с Варей... Варя уже была в моем списке. Вы же понимаете, друг мой, что в таком теле ее душа мучается? Мне пришлось забрать ее. Но не волнуйтесь! Я дам ей возможность немного отдохнуть и поселю ее в новое здоровое тело! Это прекрасная душа, и вы спасли ее от уничтожения!

– Пришлось забрать? – потрясенно выдохнул Иван. – Варя умерла?

– Увы, друг мой, увы!

Иван захотел заплакать, но души не плачут. Лишь свет, струющийся от него, стал ярче.

– Могу я попрощаться с ней? – спросил он.

– Конечно, друг мой, конечно! – рядом со стариком вспыхнул золотистый свет.

– Ваня! – зазвенел колокольчик. – Я так счастлива! Только жаль, что мы расстаёмся! Передай маме, что я люблю ее и со мной все хорошо!

– Варя, – потянулся к ней Иван. Их лучи дотронулись друг до друга и вспыхнули яркой каплей огня.

– Возвращайся, Варя! Ты нужна здесь!

– До свидания! – свет растаял, и колокольчик затих.

– Все, друг мой, пора обратно в тело! У вас еще много дел в жизни! И жизнь ваша будет долгой, это я вам могу обещать! – старичок приложил руку к сердцу. Он щелкнул пальцами, и свет вокруг Ивана снова погас.

Глава 13

Иван с трудом разогнул затекшую шею, ощущая, как капли воды монотонно долбят по затылку. «Что за черт? Почему я в воде валяюсь, да еще и в одежде?» – изумился он. Нашупав шишку на голове, он застонал от боли. С трудом поднявшись на ноги и покачиваясь, словно пьяный, он вышел из-под воды. В душевой было пусто и сумрачно. Он удивленно огляделся, пытаясь вспомнить, как он сюда попал, но в голове зияла черная дыра, в которой безнадежно исчезли все воспоминания. «Вот я приложился затылком. Неужели сотрясение? Ретроградная амнезия, тошнота... Хоть больничный бери!» – усмехнулся он и вышел.

Из темноты медленно показались двое: старичок и Петр Сергеевич. Они молча проводили взглядами уходящего студента.

– Пожалуйста, не надо выглядеть, как Иосиф Соломонович, – попросил Петр Сергеевич, – это неправильно.

– Хорошо, – согласился старичок и мгновенно превратился в темную, укутанную в плащ фигуру.

– И я прошу вас отпустить Ивана. Он свое отработал, – твердо заявил доктор.

– С ума сошел? – возмутилась фигура. Голос ее стал утробным и грубым. Эхо разнеслось по пустой душевой, и Петра Сергеевича передернуло.

– Скольких он уже поймал?

– Семерых. За пять лет. Больше, чем другие, – Петр Сергеевич грустно посмотрел на черную фигуру. – Он заслужил. Отпустите его!

– Нет! – жестко отозвалась фигура. – Пока он их видит – нет! Семерых! Он поймал семерых! Выдержал: ни сошел с ума, ни наложил на себя руки, ни сбежал! Это мой лучший стрелок! Нет!

– Может хотя бы тогда не будем стирать ему память каждый раз?

– Нет, – покачала головой фигура, – пусть все будет достоверно. Подсадная утка не должна знать, что она подсадная...

Иван закончил университет с отличием. В городе открылась новая больница, и он устроился в отделение хирургии. «Отличная работа, прекрасный коллектив, замечательный шеф. Что нужно еще врачу для счастья?» – думал Иван, заходя в отделение ранним утром. В лицо ударила тугая волна холода. Тихий скрип и странное шарканье заставило Ивана повернуть голову. По коридору брел пожилой уборщик в грязной форме и старых тапках. Впереди себя он толкал тележку с инвентарем. Иван, было, только хотел поинтересоваться, кто это, как сзади раздался вежливый голос заведующего.

– Иван Андреевич, что-то вы рановато сегодня.

Иван обернулся. Интеллигентного вида, лет сорока пяти, с ранней залысиной, в очках и с аккуратной бородкой-кли-

нышком заведующий напоминал Ивану профессора Преображенского, и это всегда веселило его.

– Доброе утро, Петр Сергеевич, доброе утро!